

1. СТРАХ БОЖИЙ

«Христос Воскресе!»

«Любовь, любовь, любовь, и еще любовь...» Повторяемое бесчисленное множество раз бесчисленным множеством тех, кто и не подошел к порогу религии, это таинственное слово потеряло всякий смысл. Но, как соединительная ткань, оно разрослось, заполнило собою всю область религиозного сознания наших современников и тем оттеснило оттуда все содержание религии... Благовидное перерождение религиозной ткани называется речами о любви. Да, речами, ибо кто же дерзнет притязать на жизнь любви — не того гуманитарного альтруизма, в основе которого лежат либо карьера, тщеславие и гордость, либо слабонервность и истерическая внушаемость при виде страданий. Но если мы хотим говорить действительно о религии, нам надо хотя бы на время этих рассуждений отбросить тряпичную дряблость и психологистические «нравится» — «не нравится». Мужественным взором надо готовиться встретить подлинную жизнь в религии, «бестрепетное сердце непреложной Истины». Апостол Павел изображается с мечом обоюдоострым, ибо — по свидетельству его же — «Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов и судит помышления и намерения сердечные». И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его: «Ему дадим отчет» (Евр. 4, 12—13). И еще: «Меч духовный есть Слово Божие» (Еф. 6, 17). Тверды будьте, — если хотите носить в себе «бестрепетное сердце непреложной Истины!» Помните ли, кто именно в особенности говорил о любви? Апостол любви — ему же ныне память творим. А он — Сын Громов, Воанергес. Правом на слова о любви владеет лишь заперший в себе горние перуны. Когда сдавленные громы клокочат в недрах, когда тяжкие удары молотов куют наше сердце, когда взрываются молнии и бороздят, и разрывают нашу тварную дряблость, — тогда будет, что претворить в деятельность любви. Но незачем ссылаться на любовь, когда бессильно влачатся дни твои, «без Божества, без вдохновенья». Нисхождение любви доступно тому, кто четким, как снеговые пики, очерком вонзился в синий эфир небес... Но нисхождение сидящих в болотистых низинах — пустое оболщание. «Любовь, любовь, любовь...» нет, не любовь, а — кисель и манная каша. Прежде всего не любовь.

«Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас» (Пс. 33, 12). Вот слово не современное. Но что же делать: если угодно вам говорить о религии, деле существенно не современном, придется вам помириться и с этим несовременным, но своевременным, всегда своевременным словом «страх». Религия есть прежде всего страх Божий, и кто хочет проникнуть в святилище религии, тот да научится страшиться.

«Господи, всели в мя корень благих, страх Твой в сердце мое» (молитва 7-я на сон грядущим, Иоанна Златоустого). Корень благих —

это есть страх Божий, вселившийся свыше в сердце наше: в религии ничего не вырастает без этого корня, все благое из него. Возьмите Библию или хотя бы по симфонии посмотрите места о страхе Божием. Сколько их и как они существенны! Господь страшен в Своем величии, в Своем безмерном превосходстве, в Своей непостижимой тайне! Господь как огонь. «Страшно впасть в руки Бога Живого» (Евр. 10, 31). Страшно Имя Его (Мал. 1, 14), страшно место явления Его (Быт. 28, 17); Бог — великий и страшный, для всех и во всем страшный — бесчисленное множество раз твердит Священное Писание, а за ним — и все те, кто воистину знал Бога — знал, а не писал о Нем мертвящих диссертаций или, между чаем и ужином, праздных фельетонов. Страшен, страшен, страшен — и избранному народу, и языкам: вся религия, и всякая религия полна и пронизана этим неизъяснимым страхом Божиим. И потому — «да будет страх Господень на вас» (2 Пар. 19, 7), «страх Господень будет сокровищем твоим» (Ис. 33, 6)... «Страх Господень чист» (Пс. 18, 10); он — «начало премудрости» (Пс. 110, 10; Пр. 1, 7; 9, 10), он «есть истинная премудрость» (Иов. 28, 28). Он «источник жизни» (Пр. 14, 27) и «ведет к жизни» (Пр. 19, 23). Так учит нас Слово Божие.

Страх Господень... Мы много слышали (кажется, больше в ироническом смысле), что «начало премудрости — страх Господень». Однако немногие задумывались над неминуемой правдой этих слов, столь близких к суждению философов об изумлении — как начале философии. Чтобы иметь познание — надо коснуться предмета познания; признаком, что это прикосновение достигнуто, служит потрясение души, страх. Да, этот страх возбуждается прикосновением к новому, всецело новому — против нашей повседневной жизни. В чреду впечатлений мира вклинивается не-о-т-м-и-р-н-о-е, ни с чем несравнимое, ни на что не похожее, иное. И, вклинившись, разрывает ткань обычного, а тем — и наше, приросшее к обычному, сознание; проникает, как меч обоюдоострый, до разделения души и духа, до той спайки, где собственно и соприкасается наше ноуменальное недро с областью феноменов, обнаружений и мирских проникновений. Проникши же — ожогом ожигает наше «Я»: из Времени мы узрели Вечность.

Ах, когда железом каленым прижигается слизистая оболочка, тогда никто не спрашивает себя, хочется ему этого или не хочется, нравится или не нравится: тогда — не до психологизмов. «Воистину есть так — существенно», — скажет прижигаемый. Но это «есть» скажется само, не от раздумий — выкрикнется. Таков и страх Божий. Когда воистину — не манерничая и томно жеманясь — воспримем Божество — тогда не до сентиментальных излишаний. Тогда, великим страхом сотрясаемые, из глубины своей возопием: «Ты еси — воистину». Первое, что священные Дельфы заставляли сказать богомольца, — это «Ей, Еси». Но «Еси» — не легкое слово, в сотрясении лишь скажется оно.

Пророку Даниилу было видение на берегу реки Тигр. «Только один я, Даниил, — свидетельствует он о себе, — видел это видение, и бывшие со мною люди не видели этого видения; но сильный страх напал на них, и они убежали, чтобы скрыться. И остался я один и смотрел на это великое видение, но во мне не осталось крепости, и вид лица моего чрезвычайно изменился, не стало во мне бодрости. И услышал я глас слов Его; и как только услышал я глас слов Его, в оцепенении пал я на лице мое и лежал лицом к земле» (Дан. 10, 7—9). И от слов Одеянного в льняную одежду, явившегося в видении Даниилу, «я припал лицом моим к земле и онемел, — пишет о себе пророк, — и от этого видения внутренности мои повернулись во мне, и не стало во мне силы» (Дан. 10, 15, 17).

Тут новое прорывает обычное в таинственно-необычайном же виде. Но не в виде вторгающегося — источник страха, а в ощущении

трансцендентности являющегося. Нездешнее открылось — и текущим, шатким, зыблущимся почувствовался весь мир: бывающее померкло пред истинно-сущим. А с бывающим померкло и самое наше бытие: сами мы оказались дрожащим пламенем среди ветреных пространств, — на границе ничего, еле-еле не не-сущими. Но тогда-то мы нашли и свою вековечную опору — в Сущем от века. Последнее уничтожение наше есть и величайшее возвеличение. Страх Божий двудеиствен. Он есть постоянный источник и возбудитель этого антиномического движения: постоянный двигатель нет и да нашему бытию. Это — жерло, в котором никогда не покрывается каменистою корою лава. Это — окно в нашей действительности, откуда видятся миры иные. Это — брешь земного существования, откуда устремляются питающие и укрепляющие его струи из иного мира. Короче — это есть культ.

Первое, основное и прочнейшее определение культа именно таково: он — выделенная из всей реальности та ее часть, где встречается имманентное и трансцендентное, дольнее и горнее, здешнее и тамошнее, временное и вечное, условное и безусловное, тленное и нетленное.

Сделаем тут, ради примера, некоторое отступление. Предложенный же как пример материал понадобится нам, и мы будем еще иметь случай использовать его впоследствии. Итак, пусть пред вами некоторое сочетание деревянных брусков. Это — «обыкновенное», «здесьнее», «тленное». Но: «Крест Твой, Христе, аще и древо видимо есть существом, но Божественною одеяно есть силою и чувственне мирови являем, умно наше чудотворит спасение, ему же кланяющеса, славим Тя, Спасе, помилуй нас» (Октоих, гл. 5, вторник, 2-я вечерняя стихира на стиховне).

«Аще и древо видимо есть существом, но Божественною одеяно есть силою», «чувственне мирови являем, умно наше чудотворит спасение» — вот типичные формулы всякого культа, всякого его отдела, всякой его части, где бы, когда бы и в чем бы культ ни проявлялся. Соприкосновение «видимого» и «Божественного», «чувственного» и «умного», т. е. умопостигаемого, ноуменального, трансцендентного, — таков характерный и основной признак культа. В этой антиномии горнего и дольнего завито существо культа со всеми его последствиями. Последствия же, суммарно, — в том, что «видимое» и «чувственное», по своей существенной связанности с «Божественным» и «умным», оказывается направляющим нашу деятельность по путям, необычным и несвойственным «видимому» и «чувственному» как таковому. Движение крестного знамения есть внутреннее противоречие, ибо всякое движение должно иметь определенность направления к своей цели, а это движение, как бы устремившись к цели, свое устремление потом отрицает. И тем не менее, это внутренне-противоречивое движение в культе, как в дальнейшем увидим, господствует. Сопряженная с чувственным, духовная сила изменяет и чувственное, понуждая его быть не таким, каким было бы естественно ждать его как обособленного. Так, невидимая, но могучая — дружка двойной звезды отклоняет свою светлую и видимую пару от свойственного ей прямолинейного равномерно-поступательного движения и заставляет двигаться криволинейно и неравномерно, чертя петли.

Возвращаясь к нашему примеру — кресту, — мы можем отметить: разве служение, воспевание, поклонение, лобызание, каждение, возжигание свеч и лампад достоин кускам дерева, каковыми, видимо и чувственно, является крест? Но что же тогда сказать о молитвенных к нему обращениях, о призываниях его, обнаруживающих, что пред нами — не кусок дерева, а живое, пренебесное существо, могущее защищать нас и помогать нам, по нашему к нему призыву? Крест Честный — нам не безличное оно, и не он даже, но Ты. А то, что для

другого может быть Ты, в себе и для себя есть Я — то есть лицо, существо разумное и духовное.

«Кресте — верных упование и оружие, священников славо, монашествующих крепосте, твоею силою вся тя славословящая спасай во веки».

«Лобызающыя тя силою твоею. Кресте, постное время прейди в мире сподоби и избави работы вражия».

«Возвыси церквей рог, честный Кресте, низложи еретическую гордыню силою твоею и возвесели православных, сподоби предварити всем нам твое предвозвешение и поклонитися тебе, подножию Христову, в тебе бо хвалимся, древо благословенное».

«Кресте Христов, разбойника наставивый к вере, и мене к течению благосильно постом сподоби предварити на поклонение твое и оживотворитися».

«Кресте, скиптре Христов, церкви рог и победа, хранителю христиан, ты еси просвещение мое, ты и похвала моя во веки вся».

«...Кресте Христов всесвятый, возрадивый сладость жизни, всех чистым сердцем тебе поклонитися сподоби нас, очищение нам дая и велию милость».

«Радуйся, Кресте, имже познася единым мгновением разбойник богословец взываяй: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

«Кресте Христов, упование концов, прейти нам твоим окормлением тихо пучину добраго поста сподоби, спасая от треволения прегрешений». (Окормление — от слова корма, то же, что руководство, руководство).

«Кресте Честный, крепосте моя и прибежище мое, буди ми просвещение ныне воздержательно, веселя и очищая мя, избавляя от искушений, да прославляя Тя, Владыку величаю Христа».

«Ты нам свет, святое сложение, одоление победы, Христов Кресте, ты нам воздержание услади и тебе поклонитися сподоби».

«Кресте всечестный спасительный, миру хранителю, соблюди мя постящаяся и достойна покажи твоего честнаго поклонения».

«Треблаженне Кресте Христов, невосписанная победа, от земли нам прозябла еси, Твоего поклонения достойны покажи ны вся, постом очистившыся».

«Явися великий Господень Кресте, покажи ми зрак Божественный красоты твоея ныне достойна поклонника хвалы твоея, ибо яко одушевлену тебе и возглашаю, и облобызаю».

NB: «Яко», $\omega\kappa$ — союз не сравнения, а уравниения; сравн. «Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу» ($\omega\kappa$ $\lambda\eta\gamma\theta\acute{o}\varsigma$). «Яко огнем» значит не «как бы огнем», а «огнем», даже «по преимуществу огнем». «Яко» значит «то же» и даже более. Поэтому выражение «яко одушевлену» значит: «Ты одушевлен, даже более чем одушевлен». Следовательно, тут прямое признание Креста существом одушевленным, а не веществом.

«Радуйся, требогатое древо и Божественное, Кресте, свете сущим во тьме, четвероконечный мир сиянием Твоим воздания Христова проявляй зари, сподоби вся верная достигнути Пасху».

«Древом умерый, древо Тя обретох жизни Христоносне Кресте мой, хранителю мой нерушимый, на демоны крепкая державо, тебе поклоняйся днесь зову: освяти мя славою твоею».

«Ныне Кресту покланяющеса вси воззовем: радуйся, древо жизни; радуйся, скиптре светлый Христов; радуйся, человеком славо небесная и похвало; радуйся, державо веры; радуйся, оружие непобедимое; радуйся, врагов отогнание; радуйся, сияние светлое спасительно миру; радуйся, мучеников велия славо; радуйся, сило праведных; радуйся, ангелов светлосте; радуйся, всечестне».

«Церкви похвала ты еси, честный Кресте, оружие верных и миру

всему мира почесть благоданная, Кресте православных радости, вселенная хранителю; сохрани, освяти тебе поклоняющиеся».

«Кресте, миру хранителю, демонов прогонителю, тя стяжавших во всем предстательство необоримое, сподоби пощение прейти прочее совестно чистою, исправляя души наша пред Христом, древо благословенное».

«Кресте всечестный, верных всех очистилище и державо, вся освяти тебе поклоняющиеся».

«Кресте, демонов гонителю, врачу недугующих, крепосте и хранителю верных, победо и похвало православных воистину, утверждение Церкви Христовы: буди нам забрало и стена и хранитель, древо благословенное».

«Кресте Христов, ангел святых чудо, диаволу же и бесом великая язва, спасай рабы Твоя».

«Радуйся, пречестный и Животворящий Кресте Господень... О, пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею, Девою Богородицею и со всеми святыми во веки, аминь».

Итак, воистину и существенно, а не риторически и произвольно, необходимо, а не условно — Крест может именоваться Ты; а раз может, то и должен, ибо нельзя у Лица похитить присущую ему личность. И если мы хотим сколько-нибудь подойти к Богослужению, мы должны брать его таким, каково оно есть, не спешить приводить всё к пошлomu уровню речей всedневных. Богослужebные тексты должно принимать в полной серьезности и буквально. Тут только конкретность может помочь — иначе наша обмирщенная мысль всё, как пес, будет возвращаться на блевотину свою. Попробуем же быть конкретными, сколько доступно здесь.

Канон Честному Кресту — творение святого Григория Синаита — весь состоит из обращений ко Кресту как Существу живому. А преподабному Андрею Юродивому он самолично явился на призыв.

«В темную ночь Андрей Юродивый проходил мимо церкви верховных апостолов Петра и Павла. Сатана в виде эфиопа столкнул его в бывший тут ров, полный грязи. Погрузившись в тину уже по пояс, святой Андрей воззвал: «Апостолы, просветившие четыре конца земли пламенным учением вашим, светильники светлые, помозите мне недостойному рабу вашему, избавивши меня из глубины рва». И тотчас — εὐθέως — явился — ἐφάνη — Крест, висящий в воздухе, и был как огонь палящий, испуская сияние лучей в долину к блаженному. Увидев — σταυρός — Крест, святой Андрей воскликнул: «Да знаменуется на нас свет лица Твоего, Господи». И тотчас — εὐθέως — явились два мужа, которые извлекли его из рва и стали невидимы. А дивный тот Крест шел по воздуху впереди святого и освещал ему путь, пока он не вошел в портик. Обратившись с целью увидеть, куда после этого пойдет Крест Божественный, он видит: и вот как бы золотыми крыльями был вознесен — σταυρός — в высоту и при восхождении своем испускал в воздух огневидные лучи» (Acta Sanctorum, Mai VI, cap. XIII, p. 47 E).

«Да знаменуется на нас свет Лица Твоего, Господи» (Пс. 4, 7), — воскликнул словами псалма Андрей Юродивый, а по русскому переводу: «Яви нам свет Лица Твоего, Господи». — Явился же ему Крест. Старообрядцы, при чтении сих слов псаломских, все вместе творят на себе крестное знамение. Значит: явление света Лица или знаменование свeга Лица Господня и есть явление Креста, то есть Крест есть свет Лица Господня, или явление Славы Его — Слава Господня, или еще — созерцаемый, являемый миру Образ Господень. А по Образу Его — сотворен человек. Посему Крест есть человеческая природа, взятая на Себя Господом, в ее единстве и Божественном отображении.

В этом смысле Крест Честный может даже отождествляться с Господом, по единству Божественной Ипостаси Господа. Так, мученику Прокопию, в язычестве Неанни, назначенному преследовать и истреблять верующих в Распятого, ночью, с землетрясением и грозой «послышался глас с неба: «Неанния, куда ты едешь?» Неанния сказал: «...Царь дал мне должность дука в Александрии, и власть истреблять казнями христиан». И снова послышался глас, сказавший: «О, Неанния, и ты идешь на Меня?» Неанния сказал: «Господи, кто Ты?» Покажи мне Себя; ибо я не могу видеть Тебя». И тотчас явился ему Крест кристалловидный, и послышался глас из Креста: «Я — Иисус распятый, Сын Божий». Неанния говорит Ему: «... (далее разговор Неаннии и Христа о рождении и крестной смерти Его)». (Палестинский Патерик, вып. 16, с. 8—9).

Неанния просит Господа «показать Себя» — то есть явить Лице Свое — является же Крест, и Крест свидетельствует: «Я — Иисус». Следовательно, явление Господа, Господь в явлении — и есть Крест. «Крест в Христе, и Христос на Кресте; Крест есть образ распятого Христа». Отсюда понятно, почему в перво-христианской иконографии Лице Господа изображалось обычно Крестом.

Но человек — по образу Христа, и потому Крест есть образ Божий в человеке, его тип, тогда как тип Креста, прототип человека — Сама Пресвятая Троица: Пресвятая Троица — Крест — Человек.

Человек сотворен как ноуменальный Крест. Отсюда всякое высшее проявление человеческой природы — в крестообразном распротертии. Как скомканный бутон, сжавшись, сидит человек в чреве матери. Растет — и расправляется, как бутон — распускается. Цветение человеческого вида — прекраснейшее, что есть в человеке. — когда он крестообразно простерт. Это даже внешне зрительно. Но еще более это таинственно-духовно. Воздеяние рук горé и крестообразное простертие ниц — вот два вида наиболее глубокой молитвы — раскрытия перед Господом и по Господу себя, а посему и Богоуподобления. Нет нужды доказывать, что сонм святых именно так молился: в житиях святых вы найдете множество примеров непрестанного распротертия крестом. Преподобному Пахомию Великому «бывше обычай на молитве стоящу, простертыя имеющи руце горé, и никакоже их ниспущати и согнати до совершения молитвы, но тако стояти, аки на Кресте висящу: еще утверждая тело свое, душу же Богомыслию возводя, потяеши зело» (Acta Sanctorum, Mai III, p. 25, § 11; Май, 15 день, с. 387). Когда Стефан Чудотворец горé воздевал «свои освященные руки», то «из них, как бы из светочей, вылетал огонь, распространяющий надалеко свет» (Acta Sanctorum, Juli III, dies 13, § 23. Палестинский Патерик, вып. 2, с. 51). А Марию Египетскую, молившуюся с воздетыми руками, старец Зосима «узрел возвышену от земли, яко на локоть един и на воздухе стоящую и молящуюся» (Апрель, 1 день, с. 12). Крестовидное распротертие есть ноуменальное распротертие: и потому нельзя дерзать на него недостойно.

Преподобный Пафнутий обратившейся к Христу блуднице Таисии запретил ей: «Неси достойна... руце твои воздети к небеси, понеже руце твои нечистотою окаляны» (Октябрь, 8 день, с. 128).

Богоуподобление есть Крестоявление, осуществление в себе Креста. Свято-энтелехия человечества — есть Крест, Кресто-энтелехия. И потому весьма знаменательно видение, бывшее двум монахам монастыря святого Симеона Дивногорца. Пред Божиею Матерью, на Престоле сидящую, видели они блаженную Марфу, мать Симеона Дивногорца, «предстоявшую Богородице, воздевши к Ней крестообразно руце своя, и претворившися в крест злат, и сияющую светом по подобию луч солнечных, и зрящися быти вся Крест пресве-

т. е. лице токмо ея выше Креста познавашеся» (Июль, 4 день, с. 62. Acta Sanctorum, Mai V, p. 403—404).

Но более того. Крест — тип не только человека, но и всей Вселенной, созерцаемой как единое целое. Крест — «Божий образ назнаменателен миру невидимому же и видимому» (канон Честному Кресту, творение Григория Синаита). По образу Креста сотворен весь мир — свидетельствует Святой Василий Великий: «Прежде деревянного Креста воздвигнут был целому миру мысленный Крест, в среде которого соприкасаются четыре части вселенной и сила которого, заключающаяся в среде, проходит в четыре части» (Творения святителя Василия Великого, ч. 2, Троице-Сергиева Лавра, 1900, с. 298). По свидетельству блаженного Иеронима (Толкование на Евангелие от Марка). «человек ни к небу не может обращаться с молитвою иначе, как в форме креста, ни плыть по воде иначе; крест — общая для всех движений форма и для всего живого; это даже самого мира вид».

В египетской пустыне жил старец Марк. Слава о подвижничестве его привлекала к нему множество народа, и, чтобы избавиться от постоянной помехи в молитвах, он вздумал бежать на другое место. Но сперва пошел в Александрию за патриаршим на это благословением. Однако в Александрии его соблазнили речи еретика-крестоборца, приравнивавшего Крест к виселице и звавшего к уничтожению этого страшного орудия смерти Господней. Марк сорвал с себя крест и изломал его; так же поступил и с другим крестом, бывшим в келлии, обломки же их закопал и каждодневно плевал на место, где были они зарыты. Но однажды слышит он: «Марк! Зачем ты осквернил Мое знамя? Зачем осквернил Мое земное ложе, Мою высоту небесную, глубину земную и широту в беспредельной вселенной? Зачем ты сделал это?» — «За что, Господи, ты хочешь наказать меня?» — спросил старец, и услышал: «За попрание и осквернение Моего Креста, на котором Я вознес человечество от земли на небо. Встань и смотри». Марк встал. Все поднебесье было наполнено дивным светом. Не было ни солнца, ни луны, ни звезд; казалось, что вся вселенная обратилась в один свет; обернулся старец к востоку и увидел: небеса распростерлись и книзу, и кверху, и во все стороны; не было и той земной плоскости, которую он ежедневно видел с утра до вечера. Самая Земля стала одной точкой, на которой стоят праведные. Вдали по всему поднебесью простирался Крест. Вся вселенная стала одним Крестом, и он состоял из одного света, который не резал глаз подобно солнцу, но был мягок и приятен. Нижний конец опускался в бесконечную низь, а верхний возвышался в беспредельную высь. Праведник видел, что нет ничего ниже, кроме нижнего края Креста, и нет ничего выше, кроме верха его. В бесконечную даль в обе стороны — направо и налево — расходились концы перекладины. И для старца стало ясно, что как направо, так и налево нет ничего более далекого, кроме концов этой поперечины Креста. Ангел в виде юноши сказал старцу: «Смотри и внимай! Крест есть образ вселенной. Он — история всего сущего с самого первого мгновения творения. В Кресте изображена вся вселенная, началом которой является Сын Божий. Его могуществу и вседержительству нет никаких пределов ни в высоту, ни в глубину, ни в широту. Это изображается четырьмя концами Креста. Поклонися же Кресту Христову». Ангел и человек трижды поклонились Кресту. (Сенотов. Всемирная Слава Креста Христова. «Церковь», 1910, №№ 19—20, сс. 483—485, 507—509).

Эта основная схема всего мироздания в целом — повторяется и в частностях. Святитель Василий Великий в самых днях творения усматривает различные применения все того же Креста-типа. Взору древних христиан, потрясенных новизною крестоцентризма и всецело ему пре-

давших свои сердца и свои умы, зрелась каждая часть мира и всякое явление вселенной *sub specie crucis* — под категорией Крестной. Это не пустая игра аналогиями, а подлинное переживание апологетов и церковных писателей, когда они говорят о кресте как всюду начертанном и везде зримом. «Крест есть величайший символ силы и власти Христовой, как это видно и из предметов, подлежащих нашему наблюдению. Ибо рассмотрите все вещи в мире: устроится ли что без этой формы и может ли быть без нее взаимная связь? По морю нельзя плыть, если на корабле не цел тот трофей, который называется парусом; земли нельзя орать без формы крестообразной; копающие землю, равно как и ремесленники, не иначе производят свою работу, как посредством орудий, имеющих эту форму. Наружный вид человека отличается от вида животных неразумных только тем, что он прям и имеет возможность протягивать свои руки, — и на своем лице имеет простирющийся от лба нос, посредством которого совершается у животных дыхание и который не другое что представляет, как фигуру Креста. Об этом сказано пророком так: «Дыхание пред лицом нашим — Христос Господь». И ваши (т. е. языческие) символы представляют силу крестообразной формы. Я разумею знамена и трофеи, с которыми повсюду вы совершаете свои торжественные шествия, являя в них знаки вашей власти и силы, хотя вы делаете это, сами не помышляя о том. И вы полагаете изображения умирающих у вас императоров на той же фигуре и в надписях называете их богами». Таково свидетельство святого Иустина Философа (Святой Иустин Философ, 1-я апология, гл. 55. — Сочинения. Изд. 2-е, М., 1892, с. 86—87).

«Вы (язычники), может быть, имея деревянных богов, почитаете и деревянные кресты как составные части ваших божеств, но самые знамена ваши и разные знаки военные что иное, как не позлащенные и украшенные кресты? Ваши победные трофеи имеют вид не только креста, но и распятого человека. Естественное подобие креста мы находим на корабле, когда он несется, распустивши паруса, или подходит к берегу с простертыми веслами. Точно так же ярем, когда его подвяжете, похож на крест; и человек, когда он, простерши руки, чистым умом возносит молитву к Богу, представляет образ креста. Итак, изображение Креста находится в природе и в вашей религии» (Минувший Фел и к с. Октавий, гл. 29. Сочинения апологетов. Изд. 2-е. СПб., 1895. с. 260).

«Поперечные перекладины корабельной мачты и оконечности парусов носят на себе фигуру нашего креста. Также и самые птицы, когда они взлетают вверх и висят в воздухе, раскрывши крылья, подражают крестной форме. И самые трофеи и знаки победы при триумфах суть украшенные кресты, которые мы должны иметь не только на своих лицах, но и в душах наших» (Ориген, *Sermones L, VIII*).

«Велико таинство Креста, и, по нашему представлению, самый мир спасается сим знаменем. Ибо, когда мореплаватели плывут по морю, то прежде всего воздвигают древо и натягивают парус, дабы чрез устройство Креста Господня рассечь морские волны... И хороший земледелец, готовясь вспахать земную почву и добывать жизненное пропитание, старается сделать это посредством крестного древа, ибо, приделавши к нижней части сохи острое лезвие, он прикрепляет сверху палицу и рукоятку, причем подражает фигуре Креста; поэтому и самое сплочение сохи есть некоторое подобие страдания Господа нашего. Также и самое небо расположено по образу сего знамения, ибо, разделяясь на четыре страны: восток, запад, юг и север, оно как бы сдерживается четырьмя углами Креста. Самое положение человека с поднятыми руками изображает Крест; вот почему нам заповедуется молиться с воздетыми руками, дабы мы самым движением наших членов исповедовали страсть Господню, потому что наша молитва быва-

ет вскоре услышана в том случае, когда и самое тело наше подражает Христу, Которого мы содержим в мыслях» (Святой Амвросий Медноланский, *Sermones* L, VI). Подобны сему свидетельства Тертуллиана (*De Oratione*), святого Василия Великого (Толкование на Ис. 11, 12; Шестоднев), блаженного Августина (*Sermones* L, IX, в навечерие Пятидесятницы) святого Иоанна Дамаскина (Точное изложение православной веры, кн. IV, гл. XI, Творения, т. I, СПб., 1913, с. 306) и др.

Эти свидетельства, в отдельности взятые, могут показаться лишь риторикой и апологетикой *ad hominem*. Но, принимая во внимание церковное учение о Святом Кресте, выраженное в Богослужении, в иконографии, принимая во внимание **опыт** святых, высказывающихся отнюдь не апологетически, мы убеждаемся, что христианское созерцание действительно зрит всю мировую жизнь под схемою Креста. Всё Крест, всё крестовидно — Крест лежит в основании всего бытия как истинная форма бытия, уже не вещь внешняя только, но форма организующая, платоновский *στυλοβόλος*. Существенный же в веществе, достопоклоняемый Крест Честный — уже не вещь среди других вещей, а **интеллектуальная действительность** — ἐν-τελ-ἐχσις. Хотя и чувственно созерцаемый. Крест, однако, есть сущность умная, умом постигаемая, причем в самой его зримой и осязаемой форме — в перекрещении самом линий — его умопостигаемость является. Но если так, если мы в руках своих, пред глазами своими имеем вещь в себе, то, конечно, существо, которое выражается его видом, не может быть от вражней силы, не может быть прелестным. В образе Креста диавол не может явиться подвизнику для прельщения, как о том свидетельствавляют преподобный Варсонофий Великий (Святитель Димитрий Ростовский. Миней Четьи. Февраль, 29 день), и преподобный Прокопий Неанния (Святитель Димитрий Ростовский. Миней Четьи. Февраль, 27 день), и другие.

И потому Крестное знамение — главное и вернейшее орудие против козней дьявольских. Крест — всегда сам Крест, не может быть Креста обманного. Эта ноуменальность Креста как пренебесной духовной сущности показана с особою глубиною и выразительностью в видении преподобного Андрея Юродивого. Полное таинственной красоты и бесконечно глубокого содержания, это видение могло бы послужить темою особого философского, догматического и религиозно-исторического исследования. Но слишком длинная повесть о нем мешает нам не только прочитать соответствующие выдержки, но и даже передать ее содержание; ограничусь лишь кратким напоминанием, что Андрей преподобный видел три неба — в которых помещались рождающие родники вселенского бытия. На первом небе святой Андрей узрел Крест, около которого стояли прекрасные певцы и воспевали Господу сладкую песнь. На втором небе, пред вратами его, стояли два Креста, где тоже совершалось священное последование. На третьем небе преподобный Андрей увидел три Креста, блиставшие как разженное железо. Вождь святого Андрея вошел в среду огня и поклонился Крестам, а святой Андрей не мог взойти в огонь и поклонился им издали, между тем как на первом и втором небесах он лобызал Кресты (*Acta Sanctorum*, Mai VI, cap. V, p. 20 C—21 D, § в прибавл.). Не имея возможности далее заниматься этим видением, настойчиво зову ваше внимание к житию преподобного Андрея.

Итак, Крест — живое существо, разумное, сознательное, духовное, способное слышать наши молитвы и отзываться на них. Ставимый между Честнейшею Херувим и Небесными Силами бесплотными в прошении литии, в отпущении и так далее, Он, следовательно, по чину своему занимает место непосредственно после Пресвятой Девы Богородицы и выше Сил Небесных, выше святого Иоанна Предтечи, выше Апостолов,

пророков и святителей. Это горнее Существо есть образ и тип всей вселенной, как показано было то старцу-подвижнику Марку в Египетской пустыне — сама Вселенная, созерцаемая взором Вечности. Он — зиждущая сила мира, «назидательная миру», хранитель миру, путеводитель мира, идея мира — София. И в целом, и в частях вселенная крестообразна, и крестообразность проникает вселенную во всех направлениях, во всех делениях, во всех смыслах. И мы узнаём даже, что Крест предсуществовал миру — и самому времени — в мысли Божией (сравн. Деян. 2, 22—23, 1 Кор. 1, 23—24, 2, 7). Но если так, то этот «кусочек дерева», он же — Таинственное Предвечное Существо — может ли не быть Страшным? Предание говорит, что апостол Андрей Первозванный, идя на крестную смерть, произнес следующие слова, обращаясь ко Кресту: «Прежде даже не бысть распят на тебе Господь, страшен был еси человеком» (Подвиги и страдания святого апостола Андрея Первозванного. — Святитель Димитрий Ростовский. Миняя Четья. Ноябрь, 30 день, М., 1897, с. 627).

Церковные песнопения свидетельствуют, что ему, «образу Пресвятыя Троицы», со страхом великим служат самые Ангелы. И вот, этому древу оказывается почитание с трепетом и умилением: «Приидите, поклонимся жизни нашей Ходатаю явленному древу днесь Христа Бога нашего Кресту» (Триодь Постная, вторник 4-й седмицы. 1-я вечерняя стихира на «Господи, воззвах»).

Говоря о Кресте, мы взяли его как пример: на примерах таинственная область культа может быть пояснена ближе всего. Но дело сейчас не в Кресте, а в свойстве и назначении культа вообще приводить нас в соприкосновение с иными мирами: и чувство присутствия Таинственных существ — около себя, пред собою — Таинственных существ, деятельностей и сил не может не быть страшным, — да и не должно быть не страшным. «Место сие страшно есть», ибо страшно смотреть в прорывы эмпирического. Древние культы, даже менее страшные по существу, нежели культ культов — христианский, древние культы внешней стороной своей более потрясали — и тем отверзали, как бы разрывали и не веющие зеницы к зрению тайн. Рассчитанный на глубинную восприимчивость, культ христианский умеряет трагическую глобиную своих тайн более сдержанными и сухими формами: если бы огонь, kloкочущий в Святой Чаше, являлся в формах, равносильных формам древним, никакая плоть не выдержала бы. Если бы свет Святых Тайн воссиял, не прикрываемый видом хлеба и вина, — говорит один из пастырей Церкви, — то не стерпели бы блеска их никакие тварные очи. Но нам, для подхождения к характерным линиям культа — что я и называю философией культа — полезно взглянуть сперва именно на грозное величие и массивность древних культов, — чтобы подойти к пониманию страха Божия, исходного переживания религии, — ибо страх Божий и есть да Богу.

Чем массивнее, лапидарнее, архаичнее будем мы мыслить о религии, тем ближе будем мы к истине. Хотелось бы рассуждениям нашим придать каменную тяжесть, чтобы слова все весили в 10, в 100, в 1000 раз более, нежели весят они, — чтобы каждое из них, как стопудовая гиря, ложилось бы на вас, чтобы каждое из них своим весом заставляло вас чувствовать его, чтобы вы не могли скинуть с себя его груза, чтобы, одним словом, оно врезывалось в вас все глубже и глубже. Тогда только могли бы мы рассчитывать на успех и продумать кое-что сообща об основах культа. Но нет, бессильно и пусто слово мое...

Может быть, в таких случаях, чтобы быть понятным, — самое лучшее отказаться от системы и доказательности и обратиться к искреннему, но бессвязному, первоначальному ходу своих собственных мыслей, сообразно действительно полученным впечатлениям от самой жизни.

Икона Вознесения Господня

*Из Благовещенского собора Московского кремля
письма Преподобного Андрея Рублева, 1405 г.*

В моей жизни одним из таких определяющих впечатлений была поездка в Гюлистан. Мало надеюсь, что сумею передать вам, на что падали ударения в этой поездке, но все же попытаюсь.

Это было в памятный 1892 год. Свирепствовала холера. Мне было тогда 9 лет, и лето проводил я в именинн теткин — Ханагае, в Елизаветпольской губернии.

Крутая дорога в скалах и по лесу к подножию горы Мрова. Снежная вершина, с четкостью вонзающаяся в небо и омываемая темной, бархатистой лазурью. Предельная четкость, ничего размытого, — воплощенная онтология. Древнее святилище, куда собираются армяне, грузины, татары и чуть ли не молokane — святилище, вероятно, бывшее задолго до утверждения христианства. Праздник Роз Вардвар. Освященные воды — питье из общей чаши — в холерный год! Кровавые жертвы. Кровь, тук, внутренности: ходят по внутренностям, всюду разнесится в горном воздухе, холодном и резком, четком и онтологическом, — запах тука и шашлыка.

Храм Иерусалимский. От этого впечатления у меня внутренний переход к культу Иерусалимского Храма. Считаю нужным хотя двумя-тремя штрихами очертить этот культ: в известном смысле всякий культ истинен. Но этот, иерусалимский, в особенности и несомненно-бесспорности есть истинный культ Истинного Бога. Мы не можем не считаться с ним, если хотим приблизиться к пониманию культа вообще, — ибо он бесспорно истинен, но, кроме того, он столь же бесспорно величествен. Его огромность, великолепие, богатство, так сказать, интенсивность — во всех его проявлениях, вообще своего рода единственность в мировой истории, а что еще важнее, его известность и обследованность в подробностях мельчайших и тончайших, знание всех его казусов, как ритуально-технических, так внутренне-литургических — делают этот культ неизменным и неустранимым предметом при исследовании культа вообще. Однако я надеюсь, что вам известна библейская археология, и потому ограничусь очень немногим.

Начнем с размеров храма. Вам известно, что храм, собственно храм (Соломонов), был окружен двором, внутренним, разделенным на два отдела, — где собственно и совершались священнодействия, где пребывал тук, мужчины; и что к этому последнему впоследствии, при Ироде Агриппе, вероятно, был пристроен еще двор внешний — для язычников. Каковы же размеры их?

Храм Соломонов занимал площадь в 400 локтей длины, 200 ширины. При этом Жертовник всеожжения (см. рис. на с. 98): 20 локтей длины и ширины и 10 — высоты. В храме Ирода — 30 длины и 15 ширины. Локоть парадный = 6 ладоней = 10,18 вершка = 448 мм. При описании храма разумеется локоть священный, то есть в 7 ладоней = 11,86 вершка = 522 мм.

Площадь современного храма Харам-Эш-Шариф = 17,5 десятины, по описанию проф. Олесницкого, она вся входила в состав Соломонова Храма, но не все с этим согласны.

Храм Ирода: внутренний двор = 322 локтя длины и 135 ширины. Итак, жертвенник 30×15 локтей = 22×11 аршин! Вечный огонь горел на нем; это был не очаг, а целый пожар, в который непрерывно подкидывался материал горючий. Представьте себе треск, свист, шипение огня на таком жертвеннике. Представьте себе почти иклон, образующийся над храмом. По преданию, он никогда не гас от дождя. Но это было необходимо: что же тут удивляться — ведь тут сжигали целых быков, не говоря о множестве козлов, баранов и так далее. Вообразите, какой стоял запах гарни, сала, — если от одного шашлыка на Востоке несется чад на несколько улиц! Недаром на образном языке иудейского богословия жертвенник назывался арнал — Лев Бо-

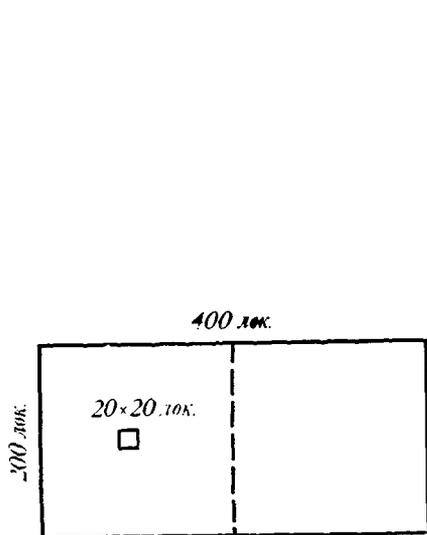

Рис. 1

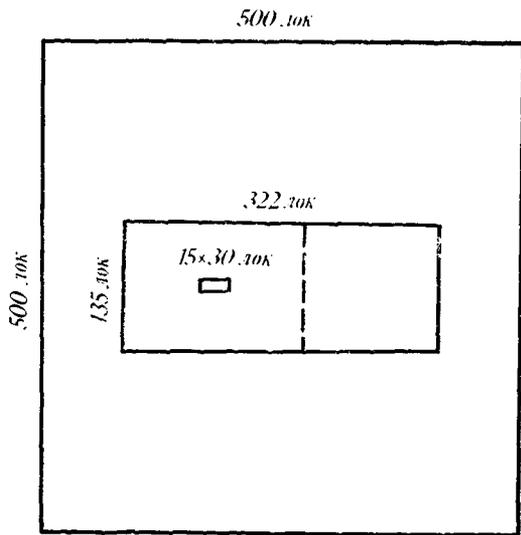

Рис. 2

жий. Действительно, он пожирал и жертвы, и дрова. Количество жертв: по Иосифу Флавию, было на Пасху заклано 265.500 агнцев; по Талмуду. Ирод Агриппа, чтобы подсчитать число поклонников, велел отделять жертвы к очагу — их оказалось 600.000. При освящении Соломонова Храма было заклано 22.000 быков и 120.000 овец. Порою священники ходили по щиколотку в крови — весь огромный двор был залит кровью. Вообразите запах крови, тука, фимпама! Слышно было в Хевроне — дома — трубные звуки — от 21 до 48 во время жертвы все-сожжения, — пения бесчисленных хоров, бляения, крики и стоны животных, вопреки стараниям их привести к молчанию. Со слабыми нервами сюда нечего было идти. Недаром существовал под угрозой смерти запрет иноплеменникам делать хотя бы шаг далее известного места. В день суккет — кушей — приносилось 70 быков: 13 в первый день, а там все менее на один.

Повторяю, трудно было вынести истину высшей реальности, открывающуюся в культе. Прикосновение к ковчегу убивало, осквернение культа каралось смертью. В поток Кедронский спускалась жертвенная кровь, — и осадком крови удобрялась вся Палестина: столько было крови! Кровь, кровь, кровь — кровь, «в которой душа», — текла потоками. Свирепо вздымался «Лев» — жертвенный огонь, пожравший добычу и возносящий пред Иеговою чад в сладкое обоняние. Но если страшно это, то сколь страшнее языческие культы, с их человеческими жертвами, с бросанием в разженные недра идолов — детей, с закланиями, с вырыванием сердца у живого человека, со священными испытаниями и тому подобным (...).

Все это страшно, ибо страшна Высшая Реальность. Однако всё это, весь культ «есть тень будущего, а тело — во Христе» («яже суть сень грядущих, тело же Христово») (Кол. 2, 17) — тело, то есть реальности подлинное бытие, противопоставляемое тени. И еще: «Закон (то есть культ ветхозаветный), имея тень будущих благ, а не самый образ вещей, одними и теми же жертвами, каждый год постоянно приносимыми, никогда не может сделать совершенными приходящих с ним» (Евр. 10, 1).

Итак, все это — сень грядущего, *umbra futurarum rerum*. И если страшна тень реальности, то сколь страшнее сама реальность. Количественная величественность культа ветхозаветного как бы сжимается в качественную напряженность культа новозаветного. Не быки, козлы и

агнцы, но Сам Господь, Сам Он принес Себя в Жертву: «единою Себе принесе». И каждая Евхаристия есть воистину та самая Кровь, не иная, не новая, а та самая, нумерически та же, развертывающаяся в видах и напоминаниях церковного обряда: ибо Голгофа — исторический факт, таинственно-вечно есть в пренесбесном храме (скинии) и там видится сквозь нашу земную оболочку. Помазание Святым Миром — печать дара Духа Святого, и Святая купель — воистину — Ложесна Божественные. И слова: «Примите, ядите...» не иные какие — а те самые.

Можно вовсе не верить в христианский культ, то есть быть вне христианской религии. Но быть причастным к ней — это значит, веруя, участвовать в культе. Тогда нет места легкости к нему, той легкости, которой мало кто не предан. Ветхозаветный культ принудительно устрашал своей огромностью; христианский — настолько же приобрел в плотности, так сказать, насколько сосредоточился в малых, игрушечных, можно сказать, храмах наших. Но молниепе-мечущий и опаляющий по существу, он, за редкими исключениями, — не обнаруживает явно своего страшного могущества, не подчиняет себе нашего изумления и предпочитает пребывать на дне веры нашей. Да не обманемся же скромностью святости нашей и да не сочтем ее, ноуменальную, слишком фамильярно-близкою; да не утерям страх Божественный!

«Хотя ясти, человеце, Тело Владычне,
Страхом приступи, да не опалишся: огонь бо есть»

(стихи ко Святому Причащению).

«Трепещу, приемля огонь, да не опалюся, яко воск и яко трава. Оле страшного таинства! Оле благоутробия Божия! Како Божественного Тела и Крове брание причащаюся и нетленен сотворяюся?» (канон ко Святому Причащению).

«Аз же, окаянный, все Твое Тело дерзая восприяти, да не опален буду» (молитва ко Святому Причащению 10-я, святого Иоанна Дамаскина).

«Се приступаю к Божественному Причащению.
Содетелю, да не опалиши мя приобщением:
Огонь бо еси, недостойныя попяляя...
Боготворящую Кровь ужаснися, человеце, зря:
Огонь бо есть, недостойныя попяляя...»

(Стихи Метафраста).

В таинственных глубинах нашего существа всегда происходит по-п а л е н и е или о с в я щ е н и е. Но на поверхности не предоставлен ли человек своей тупости и своему легкомыслию? (...). Напомним: нередки случаи, когда пред глазами неверующего раздиривалась пелена видов и грозно смотрело на них Су щ е е культа. Ангелы сослужащие, а то и заменяющие священнослужителей. Закалаемый на дискоме Христос-Младенец. Кровь изливаемая. Трепет Сил Небесных. Свет нестерпимый. Враги рода человеческого, от Святых Тайн отвлекающие. Случаи этого рода многочисленны и, разбросанные на протяжении многих веков, записаны и подтверждены. Но случаев этих гораздо более, нежели сколько их зарегистрировано. Они настолько сравнительно часты, что в «Известии учительном», то есть наставлении священнику, как поступать, если произойдет то или иное непредвиденное событие, вроде пролития Честной Крови, нападения врагов, пожара, падения паука в Святую Чашу, и тому подобное, среди многих других неожиданностей оговорено и следующее: «Аще по освящении хлеба или вина покажется чудо, сиесть вид хлеба в виде плоти или отротате, вино же в виде крове», при этом не только объяснено, как поступить при таком превращении, но и объяснено, что — «чудо от Бога, неверства или иныя ради вины явлено» (Известие учительное в Служебнике, тиснения 6-го в СПб.).

Вот несколько черт — их можно было бы без труда умножить неопределенно, — обрисовывающих религию со страшной ее стороны — страшной, то есть требующей страха Господня. «Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас», — зовет нас царь Давид. Мы сделали два, три шага. Но мы убедились, что область религии действительно иная, нежели наш обычный мир, что все тут по-новому, все не так. И в явном — нас встречает тут все та же тайна. Соприкосновение же с нею — ожог и страх. Незримые линии магнитной силы обрисовываются, когда в магнитное поле попадают железные опилки. Так невидимое и тайное делается доступным чувственному созерцанию; облекшись эмпирическим, располагается оно по собственным линиям незримого. Входя в сферу культа, чувственное живет и сочетается уже не по имманентным ему связям, но по иным и делается частью иной, трансцендентной структуры, со своими законами и своими, особыми сцеплениями. Вовлеченное в иные связи — странные и непостижимые в плоскости чувственного, в отношении неожиданные, сдерживаемое отныне иными силами, оно тем вырывается из области земного притяжения, перестает быть просто земным и только чувственным. Подобно тому как не может быть названа просто внешней и безжизненной та пища, которая вошла в состав организма и, усвоенная им, чувственно являет доселе незримую его жизненную форму, так и земное в области культа перестает быть земным и, — будучи земным с земной точки зрения, в земной плоскости, как земное, но земное своеобразное, особенное, странное, непостижимо-сложенное, — с точки зрения самого культа, в плоскости тайны, которая культ определяет, слагает и формирует, с этой точки зрения есть уже иное, посвященное, священное, предожненное, пресуществленное, — есть сама тайна. Но, повторяю, культ, странный и непонятный при взгляде снизу вверх, при обратном воззрении, при взгляде сверху вниз, приобретает целостность и единство. Искривленные непонятною силою, раздробленные и перетасованные, элементы чувственной действительности, как бы разрушенной вихрем, над нею промчавшимся, объединяются в новые невиданные до того иероглифы тайного мира, коль скоро мы поднимаемся горе и оттуда созерцаем их общую картину. Сила, трансцендентная им, сложила их по законам, из существа их не вытекающим, хотя и подразумевающим его: сила эта есть нить, связующая горнее и дальнее.

Но если это действительно так (— а думать иначе я не умею —), то мы попадаем в положение, почти уничтожающее возможность рассудочного изучения. Приближается наше разумение к культу не рассудочным изучением, а жизненным с ним соприкосновением: вне конкретной жизни в культе или около культа нет и понимания его. Из одного культа можно, до известной степени, постигать и культы иные, других времен и других религий, руководясь жизненными аналогиями и перекличками. Но для этого непременно требуется точка опоры в каком-либо конкретном культе. Иначе все слова наши будут пустыми словами, праздым словопроением. Очевидно, возможен лишь ряд подходов, последовательность обходов около тайн культа, но отнюдь не разоблачение самих тайн. Скажу более: истинным смыслом наших чтений должно быть не приближение к тайнам, а удаление от них. Мы двинемся к ним, кажущимся столь близкими, но мы увидим, при продвижении, что тайны эти дальше, нежели мы думали о них. Двинемся еще — и еще удалятся они в нашем сознании. И тогда начнем понимать мы, что тайны культа — вовсе не те игрушечные холмики, какими кажутся они сперва многим, а горные края, высявшиеся над облаками и подпирающие небо. Фамильярность с культом станет отныне сменяться страхом Божиим. Если это будет так, тогда цель наша будет достигнута. Нам предстоит заниматься вещами таинственными по самому существу своему. Но к этой таинственности существенной присоеди-

няется еще почти полная неисследованность даже внешней стороны явлений культа. Самые предметы изложения не исследованы или исследованы совсем не в требующихся нам направлениях, в смыслах иных, нежели какие предстоят нам, — с иными намерениями, в иных ракурсах. Если бы было время у нас, нам следовало бы заново изучать и строить самую науку о культе в его внешнем сложении, делать анализы культовых форм, дать анатомию, гистологию и физиологию культа. Тогда только, собственно говоря, могли бы мы приступить к попытке философски рассмотреть явления культа. Но это предприятие — исследование основ культо-ведения — бесконечно трудное и само по себе отдаленному исследователю делается невозможным и в самых слабых попытках (...). Что же нам делать? Беседовать? Никогда я не осмелился бы выступить с этими беседами перед вами, если бы не много лет положительно мучающая меня мысль: главное место церковной разрухи — невнимание, неразмышление над культом, главная задача современного богословия — изъяснение культа. Посему, сознавая заранее неизбежное убожество всего, что могу сказать я, все же беру на себя тяжесть нести внутреннее и внешнее осуждение за легкомыслие, поверхностность и самоуверенность — беру исключительно как послушание церковное. Не имея своих теорий, не только не имею окончательных теорий, а следовательно и системы, — но и решительно враждебен таковой. Система — застывшая мысль — вообще есть *contradictio in adjecto* и живому углублению враждебна. В вопросе же неизученном, в вопросе, более, нежели какой другой, предполагающем вечное углубление, система решительно недопустима. Тут должна господствовать фрагментарность и эскизность. Нет мысли окончательной — есть только штрихи и подхождения. Моя задача — возбудить мысль, но отнюдь ее не удовлетворить. То, что я могу предложить вам, — это не курс лекций, но собрание тем для размышления, запови некоторые, даже не многие запови будущей философии культа. Но именно потому обращаюсь к вам как друзьям, — не как к ищущим напасть врасплох, но старающимся понять. Мысль моя не вооружена ни учеными справками, ни точными цитатами. Беззащитно она выступает пред вами; к тому принуждает и недостаток времени, и отчасти природа предмета, который — научно — доселе *sub iudice est*.

Этим личным обращением позвольте закончить сегодняшнее вступление, имеющее задачей настроить ваше внимание к некоторым, стоящим пред нами заповам наших бесед, и тем побудить вашу мысль пойти навстречу тому, что будет сказано в дальнейшем.

2. КУЛЬТ, РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

Культе постигается с в е р х у вниз, а не снизу вверх. (...)

Обращаюсь к вам — в уверенности, что у каждого есть опыт культа и что культ, хотя сколько-нибудь, понятен всякому — именно при взгляде с в е р х у вниз. Тогда осуществима и задача: тайно сохраняя направление своей мысли сверху вниз, попытаться подойти к культе и снизу вверх, то есть осмыслить, углубить и расширить свои, уже имеющиеся впечатления от культа. Тогда, оставаясь культовыми эмпиристами, мы можем беседовать к а к б ы (только к а к б ы) независимо от опыта — для большей отчетливости своих бесед. Но, повторяю, на мельницу априорных рассуждений мы подкидывать будем не пустую шелуху, а опять-таки тот же, уже познанный нами, культ.

После этой оговорки мы можем сделать свое первое подхождение. Снизу вверх рассматриваемый культ есть некоторая д е я т е л ь н о с т ь человека, именно вид к у л ь т у р н о й его деятельности, существующий наряду с другими. Явления культа — храм, утварь храмовая, другие принадлежности храма и домашней молитвы, а также все элементы